

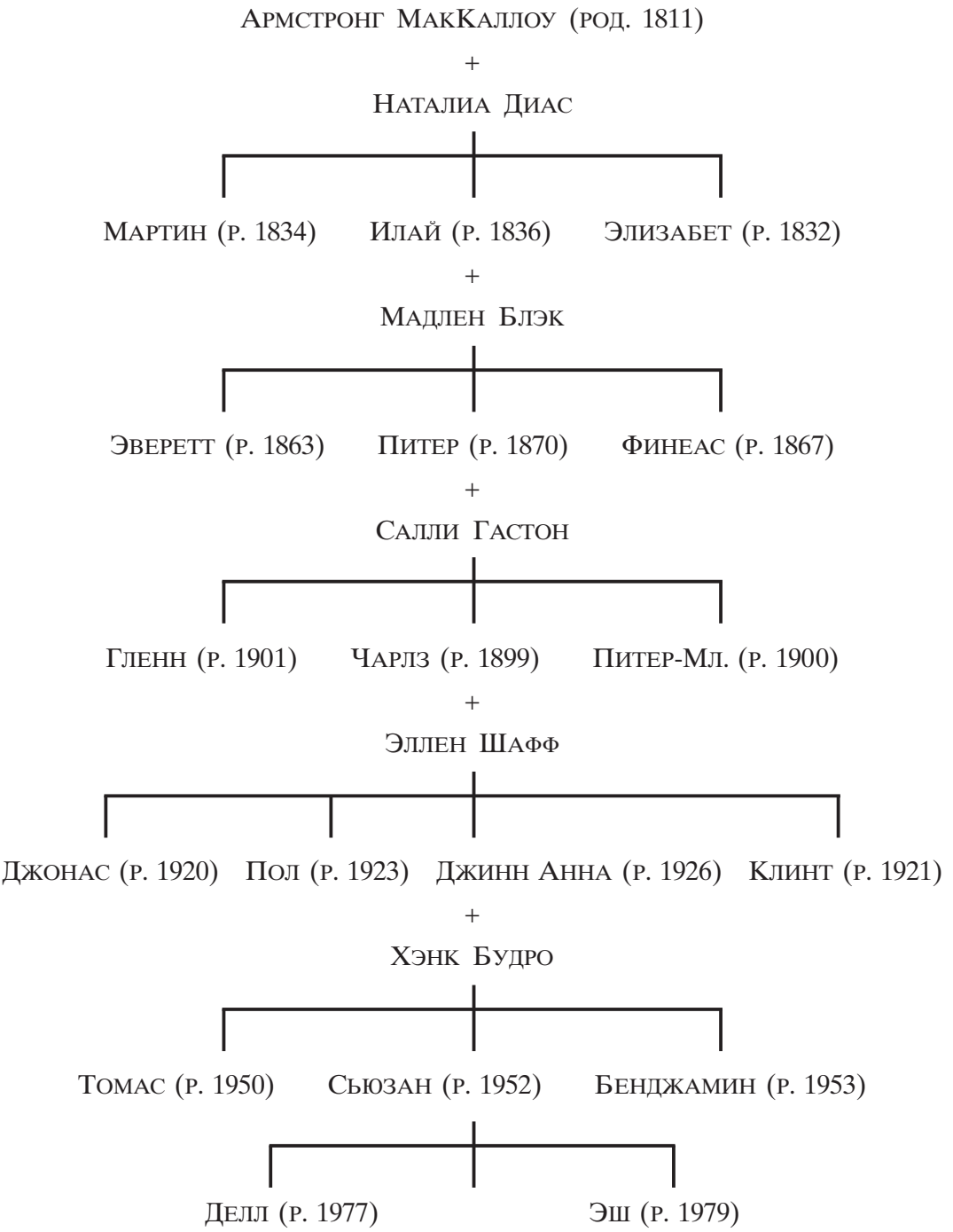
Во втором столетии христианской эры владычество Рима обнимало лучшую часть земного шара и самую цивилизованную часть человеческого рода...

...Его величие было унижено до того, что обратилось в прах, и вышедшие из холодных северных стран толпы неведомых варваров утвердили свое владычество над самыми цветущими провинциями Европы и Африки.

...Превратности фортуны, которая не щадит ни людей, ни самые великие из их произведений и которая низвергает в общую могилу и империи, и города.

Эдвард Гиббон

СЕМЬЯ МАККАЛЛОУ

Один

ПОЛКОВНИК ИЛАЙ МАККАЛЛОУ

Из фондов WPA 1936 года*

Мне предсказали, что я доживу до ста лет, и, перешагнув этот рубеж, я перестал сомневаться в этом пророчестве. Я умираю вовсе не христианином, хотя скальп мой цел, но если существуют Земли Вечной Охоты, туда-то меня и направят. Туда или к реке Стикс. Сегодня мне кажется, что жизнь была чересчур коротка: еще год — и я мог бы сделать что-нибудь полезное. А вместо этого прикован к постели и гажу под себя, как младенец.

Что стоит Создателю подкинуть мне силенок, чтобы смог я подобраться к воде, что течет через пастбища. Река Нуэсес, восточная излучина. Я всегда питал слабость ко всякой языческой бесовщине. Мысленно я уже трижды туда добирался. Известно же, что Александр Великий в последнюю ночь

* Администрация развития общественных работ, созданная в 1935 году в рамках осуществления Нового курса Рузвельта; призвана была предоставлять работу тем, кто получал до этого пособие по безработице. В рамках государственной программы среди прочего выходили исследования по истории США, каталоги и публикации для государственных, муниципальных служб, исследования по медицине и демографии. Под руководством доктора Лютера Х. Эванса была собрана крупнейшая коллекция мемуаров, устных и письменных воспоминаний известных людей во многих штатах. — *Здесь и далее примеч. перев.*

своей земной жизни улизнул из дворца и пытался прыгнуть в Евфрат — понимал: если тело его исчезнет без следа, люди решат, что он, подобно богам, вознесся на небеса. Жена поймала его в последний момент. И приволокла домой, вынудив умереть как обычный смертный. А еще спрашивают, почему я не женился второй раз.

Если б явился мой сынок, я бы не стерпел его победной улыбки. Семя моего позора. Мне известно, чего он достиг, и подозреваю, он давно благословил берега Иордана, раз уж Квана Паркер, последний вождь команчей, даровал парню жалкий шанс дожить до пятидесяти. В обмен на эти сведения я отдал Кване и его воинам молодого бычка; великолепное животное забили копьями по старому обычаю на моем пастбище, что прежде было их охотничьими угодьями. Вместе с Кваной пришел и почтенный вождь арапахо, и когда мы уселись, чтобы разделить еще теплую печень быка, омытую его собственной желчью, как велит древний обычай, он вручил мне серебряное кольцо, собственноручно снятое им с пальца Джорджа Армстронга Кастера*. На кольце есть надпись «7 Кав.» и глубокая царапина от копья. Но подходящего наследника я лишен, так что унесу это кольцо с собой в воды реки.

За то время, что я живу, можно привыкнуть ко всему. Декларация независимости, освободившая Республику Техас от мексиканской тирании, была ратифицирована 2 марта 1836 года в жалкой лачуге на берегу Бразос. Половина из подписавших ее страдали от малярии; другая половина — сплошь бандиты, бежавшие в Техас от виселицы. Я был первым младенцем мужского пола, родившимся в новой республике.

Испанцы торчали в Техасе сотни лет, но все без толку. После прибытия Колумба они покорили всех индейцев, стоявших на их пути, и хотя я не встречал ни одного ацтека, те наверняка напоминали тихих мальчиков из церковного хора. И только липаны-апачи остановили конкистадоров. А потом

* Американский кавалерийский офицер, отчаянный храбрец, безжалостно истреблявший аборигенов. Погиб в сражении с индейцами дакота, весь его отряд был разгромлен.

пришли команчи. Со времен монгольского нашествия мир не знал подобного. Они скинули в море апачей, разогнали испанскую армию, превратили Мексику в невольничий рынок. Я видел однажды, как команчи гнали пленников вдоль Пекос, сотни людей гнали как скот.

Почти поверженное аборигенами мексиканское правительство придумало отчаянный план усмирения и колонизации Техаса. Любой человек, абсолютно любой национальности, готовый поселиться к западу от реки Сабин, получит четыре тысячи акров свободных земель. Примечание к контракту, которое обычно печатают мелким шрифтом, в данном случае было написано кровью. Философия команчей по отношению к чужеземцам непогрешима, как сам Папа: мужчин — пытать и убивать, женщин — насиловать и убивать, детей — обращать в рабов или усыновлять. Мало кто из старушки Европы откликнулся на заманчивое предложение. Точнее, вообще никто. В отличие от американцев. Они-то хлынули мощным потоком. У них, видать, были лишние женщины и дети, которых можно принести в жертву Господу, — ибо мне даровано снимать плоды с древа жизни, как говорится.

Мой отец прибыл в Матагорда в 1832-м, в ту пору, когда смерть была обычным делом, а уж расстреляют тебя солдаты или команчи снимут скальп — все одно: Господь, считай, оказал тебе великую милость. К тому времени мексиканское правительство, встревоженное нашествием северных орд в свои пределы, запретило американцам иммиграцию в Техас.

И все равно это было лучше, чем жизнь в Старых Штатах, где на твою долю выпадали только жалкие крохи вроде редких колосков с уже убранного поля, если ты, конечно, не сын плантатора. Это пускай официальные документы доказывают, что, мол, только благодаря богатеям из Остина и Хьюстона мексиканцы смогли уцелеть и сохранить свои земли. Их потомки затеяли настоящую войну в книгах и газетах, лишь бы обелить имена родственничков и объявить их Основателями Техаса. На самом деле только простые люди, нищие, вроде моего отца, воевали за Техас.

Как любой здоровый боеспособный шотландец, он сражался у Сан-Хасинто*, а после войны был и кузнецом, и оружейником, и землемером. Высокий, с гордой осанкой и сильными руками, словоохотливый — рядом с ним люди чувствовали себя уверенно и спокойно и лишь позже понимали, насколько они заблуждались.

Отец мой не был религиозен, оттого, наверное, я и вырос язычником. Впрочем, он будто всегда чувствовал дыхание бледного коня у себя за спиной. Всегда считал, что последние времена близки. Сначала мы жили в Бастропе, выращивали кукурузу, сорго, разводили свиней, расчищали пустоши под посевы. Пока не явились новые поселенцы, из тех, что дожидались, пока минует угроза нападений индейцев. Они привели с собой законников, чтобы оспорить заслуги и права тех, кто осваивал эту землю и побеждал краснокожих. Первые техасцы получили свои владения, заплатив за них настоящую цену — цену человеческой жизни, а читать и писать большинство из них не умело. К десяти годам я выкопал уже четыре могилы. Вся семья мгновенно просыпалась, едва заслышав топот копыт, и когда гонец с очередными вестями появлялся на пороге — кого-то из соседей закололи, как свиней на колбасы, — отец заряжал ружье и вместе с гонцом растворялся во мраке ночи. Храбрецы умирают молодыми — эта поговорка в ходу у команчей, но справедлива она и по отношению к первым американцам в Техасе.

Целых десять лет мужественные техасцы справлялись в одиночку. Однако правительству очень нужны были новые люди, особенно люди с деньгами. Словно невидимый телеграф донес благую весть Старым Штатам: отныне эта страна безопасна. И в 1844 году у наших ворот появился первый чужак: стрижка от парикмахера, магазинная одежда, гнедая кобыла. Попросил зерна, потому как у его лошади копыта

* Сражение у Сан-Хасинто, состоявшееся 21 апреля 1836 г., стало решающей битвой Техасской революции. Техасская армия разгромила мексиканцев, а боевой клич техасцев «Помни Аламо!» с тех пор вошел в американскую историю.

воспаляются от травы. Лошадь, которая не может есть траву, — такого я в жизни не слыхивал.

Два месяца спустя у Смитвиков отсудили их участок, а потом за гроши купили землю Хорнсби и МакЛеодов. К тому времени в Техасе было больше законников на душу населения, чем в любой другой части континента, и через несколько лет все первые поселенцы потеряли свои земли и вынуждены были двигаться дальше на запад, вновь на индейские территории. Вся эта знать, подло укравшая чужое, уже замышляла войну, чтобы покрыть свои грязные делишки и сохранить своих черных рабов; Юг был бы разорен и погублен, но Техас, дитя Запада, остался бы в целостности и сохранности.

Тем временем тучи нависли над моей матерью, происходившей из старого кастильского рода. У нее были тонкие черты лица, но кожа смуглая, и эти новые пришельцы объявили ее окторонкой — у нее якобы $1/8$ негритянской крови. Господа белые плантаторы гордились своим умением замечать такие вещи.

К 1846 году мы перебрались за границы поселений, на отцовский надел на реке Педерналес. Это были охотничьи угодья команчей. Здешние рощи никогда не слышали звука топора, земли были тучны, а звери, жившие на них, плодотворны. Густые травы почти в человеческий рост, жирный чернозем под ногами, а по склонам даже самых крутых холмов — море цветов. Совсем не то что нынешняя каменистая пустыня.

Диким скотом легко обзаводиться при помощи лассо, и уже через год у нас было стадо в сотню голов. Свиньи и мустанги тоже ничего нам не стоили, бери сколько хочешь. А в придачу — олени, дикие индюки, медведи, белки, иногда даже бизоны; в реке — рыба, утки и черепахи; сливы, дикий виноград, хурма, дикий мед — насколько богата была эта земля тогда, и как же она испоганена людьми ныне. Одна была проблема — сбросить в целостности свой скальп.

ДВА

ДЖИНН АННА МАККАЛЛОУ

3 марта 2012 года

Тихие голоса и шепот в полумраке. Она лежала в громадном зале, который сначала приняла по ошибке за церковь или судебную палату. Не спала, но все равно ничего не чувствовала, — так бывает, когда нежишься в теплой ванне. Поблескивали канделябры, в камине дымились поленья, вокруг мебель в стиле короля Джеймса и какие-то античные бюсты. На полу ковер, подаренный, должно быть, шахом. Интересно, найдут ли ее здесь.

Это был большой белый дом в колониальном стиле: девятнадцать спален, библиотека, гостиная и балльный зал. И она, и все ее братья родились здесь, но сейчас это просто место встречи семейства по выходным дням и праздникам. Прислуга до утра не вернется. Сознание оставалось ясным, но вот все прочее словно отключили, и в этом определенно кто-то виноват. Ей уже восемьдесят шесть, но хотя она и любила повторять, что ждет не дождется, когда наконец отправится в Землю *Маїана**, это было не совсем искренне.

Самое важное — это человек, который делает то, что я велела. Именно так она сказала репортеру «Тайм», и ее портрет поместили на обложку — сорокалетняя, но все еще яркая и страстная, она стояла у своего «кадиллака» на фоне

* Завтра (исп.).

целого поля насосов, качающих нефть. Едва познакомившись с ней, люди мгновенно забывали, что имеют дело с маленькой хрупкой женщиной. Гипнотический голос и глаза — стального цвета, как старый револьвер, и холодные, как северный ветер; эффектная женщина, хотя и не красавица. Фотограф-янки сумел это передать. Он заставил ее расстегнуть блузку, а волосы взбил так, будто она выходит из открытого автомобиля. Не вершина ее могущества — до этого еще пара десятков лет, — но очень важный момент карьеры. Ее уже начали принимать всерьез. Человек, который сделал эту фотографию, умер. *Никто не станет тебя искать*, подумала она.

Да, именно так все и должно было случиться; даже ребенком она почти всегда была в одиночестве. Ее семья владела всем городом. Людей она не понимала. Мужчины, на которых она походила во всем, не желали ее общества. Женщины, на которых она не походила вовсе, улыбались слишком часто, смеялись чересчур громко и напоминали маленьких комнатных собачонок, предназначенных лишь для населения интерьера. В этом мире не было места для таких, как она.

Прохладным весенним днем она, совсем еще девочка, лет восьми или десяти, сидит на террасе. А вокруг — насколько хватает глаз — зеленые холмы, и все это — насколько хватает глаз — земля МакКаллоу. Но что-то в картинке не так. Вот прямо на лужайке стоит ее «кадиллак», а старых конюшен, которые ее братец еще не успел спалить, уже почему-то нет. *Я должна проснуться*. Но тут заговорил Полковник, ее прадед. Где-то рядом и ее отец. Дед, Питер МакКаллоу, тоже был, но пропал бесследно, и никто о нем слова доброго не сказал ни разу, и поэтому она тоже его не любила.

— Думаю, в это воскресенье тебе следует появиться в церкви, — сказал отец.

Полковник же считал, что штуки вроде церкви — для черных и мексиканцев. Ему исполнилось сто лет, и он не упускал случая уведомить людей об их заблуждениях. Руки у него были крепкие, как шомпол, а лицо точно дубленая

кожа, и люди говорили, что если он вообще может упасть, то только в собственную могилу.

— Эти священники, — говорил Полковник, — если не ухлестывают за вашими дочерьми, не сжирают всех жареных цыплят и пироги из ваших холодильников, то непременно обжигают ваших сыновей.

Отец был раза в два крупнее Полковника, но, как не уставал повторять Полковник, мышцами силен, а разумом слаб. Ее братец Клинт купил у пастора лошадь с седлом, а под попоной обнаружилась мозоль размером со сковородку.

Отец все равно заставил ее идти в церковь, подняв ни свет ни заря, чтобы успеть в Карризо к началу занятий в воскресной школе. Глаза у нее слипались, и ужасно хотелось есть. Когда она спросила, что после смерти случится с Полковником, который в эту самую минуту безмятежно попивает дома джулеп, учительница сказала, что Полковник отправится прямиком в ад, где его будет мучить сам Сатана. *В таком случае, заявила Джинни, я отправлюсь вместе с ним.* Да, она была бесстыжей проказницей. Будь она мексиканкой, ее бы непременно высекли розгами.

На обратном пути она все никак не могла понять, почему отец норовит держаться поближе к училке, у которой нос похож на орлиный клюв, а изо рта пахнет так, будто кто-то внутри нее уже умер. Противная в общем, как ведро дегтя. *Во время войны, говорил отец, я пообещал Господу, если выживу, ходить в церковь каждое воскресенье. Но когда ты уже должна была вот-вот родиться, у меня было так много дел, что я не сдержал данного слова. И знаешь, что случилось?* Она знала — это она знала всегда. Но отец все равно напомнил: *твоя мама умерла.*

Джонас, старший брат, сказал, что не надо бы пугать малышку. Но отец велел Джонасу замолчать, а Клинт ущипнул ее и прошептал: *в аду тебе первым делом ткнут вилами в задницу.*

Она открыла глаза. Клинта нет уже шестьдесят лет. В полумраке комнаты ничего не изменилось. *Дневники,* вспомнила она. Однажды она уже спасла их и с тех пор хранила. Теперь эти бумаги найдут.

Три

ДНЕВНИКИ ПИТЕРА МАККАЛЛОУ

10 АВГУСТА 1915 ГОДА

Сегодня мой день рождения. При помощи небольшой дозы виски пришел к выводу: я просто пустое место. Оглядываясь на прошедшие сорок пять лет, не замечаю ничего стоящего — то, что я по ошибке принимал за душу, напоминает скорее черную бездну, — я позволил другим людям создавать меня по их собственной прихоти. Спросить Полковника, так я вообще худший из его сыновей — он всегда предпочитал Финеаса и даже бедолагу Эверетта.

Этот дневник — единственная честная хроника семейства. Восьмидесятилетие Полковника планируется праздновать в Остине, и я не представляю, что можно искренне сказать о человеке, которого считают гордостью штата. Тем временем чертово лето продолжается. Телефонный кабель, идущий в Браунсвилль, надо бы закопать поглубже, а то всякий раз после ремонта мятежники вновь его взрывают. Вчера вечером сорок *sediciosos** напали на Кинг Ранчо, в Лос-Тулитос случилось настоящее трехчасовое сражение, а президента Лиги Закона и Порядка Округа Камерон просто пристрелили, хотя не могу утверждать наверняка, считать последнее утратой или удачей.

* Мятежники, бунтовщики (*исп.*).

Что до мексиканцев, когда видишь мертвые тела, валяющиеся в канавах или свисающие с деревьев, думаешь о них как о природном бедствии вроде нашествия пантер или волков. «Сан-Антонио экспресс» о них даже не пишет — на это ушло бы слишком много бумаги, — и теханос умирают безвестными; если их вообще решают похоронить, то забрасывают сверху щебнем, а чаще просто обвязывают тело веревкой и отволакивают подальше, где оно никому не будет мозолить глаза.

После того как в прошлом месяце прикончили Лонгино и Эстебана Моралесов (не знаю, кто это сделал, но подозреваю, что Нил Гилберт), Полковник придумал повесить на грудь всем нашим *вакерос** записки: «Этот человек — хороший мексиканец. Пожалуйста, не трогайте его. Когда надобность в нем отпадет, я сам его шлепну». И они носят эти бумажки с гордостью; они прямо молятся на Полковника (как и все остальные) и называют его *nuestro patron***.

К несчастью для теханос, скотоводство здесь постепенно угасает. На прошлой неделе мы с Салливаном осматривали поврежденную ограду на западных пастбищах и к ночи насчитали только 263 коровы против 478 голов весной. Убытков на двадцать тысяч долларов, и все указывает, по меньшей мере косвенно, на наших соседей, Гарсия. Сам я скорее готов потерять королевство, чем обвинить невинного. Но подобные чувства в наших краях редкость.

Всегда считал, что лучше бы мне родиться в Старых Штатах. Земля там пропитана кровью не меньше, чем наша, но им хотя бы больше не нужно носить оружие. Впрочем, характер у меня не самый подходящий. По мне, и Остин чересчур шумный город — так и кажется, что все его шестьдесят тысяч жителей орут разом, и все на меня. Я вообще ничего не забываю, годами храню в памяти звуки и образы, потому и остаюсь здесь, в месте, которое по-настоящему мое, неважно, подхожу я ему или нет.

* Пастухи (*исп.*).

** Наш защитник (*исп.*).

Пока мы проверяли ограду, Салливан рассеянно заметил, что следы ведут на земли Гарсия, за реку, а она обмелела настолько, что перейти ее можно в любом месте.

— Вряд ли это старый Педро, — сказал он. — Но зятя его самые подлые мерзкие ниггеры каких свет не видывал.

— Ты слишком много времени проводишь с Полковником, — буркнул я.

— Он действительно *sabe** в мексиканцах.

— Я так не думаю.

— Тогда, босс, надеюсь, вы найдете другое объяснение, почему у нас поломана изгородь и следы ведут на пастбище Педро Гарсия, а мы недосчитались пары сотен голов. Были времена, когда мы просто переправились бы через реку и вернули скот обратно, но нынче это нам не по зубам.

— Старый Педро не может больше следить за каждым дюймо́м своих земель, как и мы не можем следить за нашими.

— Вы же взрослый мужчина, — вздохнул он, — не понимаю, почему вы ведете себя как маленький мальчик.

Больше мы не разговаривали. Он считал личным оскорблением то, что в наши времена мексиканцам позволено иметь так много земли. Вакерос подливали масла в огонь: за высокий голос при такой массивной туше они за спиной звали Салливана Дон Кастрадо.

А что до Педро Гарсия, беды преследовали его, как брошенный пес. Двух его зятьев мексиканские власти разыскивали за кражу скота — примечательный факт, учитывая равнодушие государства к этому вопросу. На прошлой неделе я наведалься было к нему, но Хосе и Чико дали мне от ворот поворот. *Дон Педро нет хорошо чувствовать*, заявили они, прикидываясь, что не понимают мой испанский. Я знал Педро всю свою жизнь и не сомневался, что, как бы ни был болен, он примет меня, но, конечно, молча развернул коня.

Педро постоянно не хватало рабочих рук, кустарник заполонил пастбища, и последние пару лет старик толком справлялся лишь с половиной своего стада. Год за годом он зарабатывал все меньше, нанимал все меньше работников, и с каждым годом дела шли все хуже.

* Разбирается (*исп.*).

Но он все равно оставался добрым малым. У него в гостях мне было уютнее, чем дома. Мы вспоминали старые времена, когда на этих землях царил мир: белые пыльные дороги, глинобитные деревенские домишки, густая трава до самого стремени и никакого колючего кустарника. Теперь эти колючки повсюду, а старые деревни в запустении. Зато кривые деревянные лачуги растут как грибы и с такой же скоростью разваливаются.

Педро во многом был мне больше отцом, чем Полковник; если он когда-нибудь и отзывался обо мне грубо, я никогда этого не слышал. Он надеялся, что мне приглянется какая-нибудь из его дочерей, и одно время я вправду с ума сходил по Марии, старшей, но Полковник был категорически против такой связи, и я, как последний трус, сделал вид, что охладел. Мария уехала учиться в Мехико-Сити, а ее сестры вышли замуж за мексиканцев, которые положили глаз на пастбища Педро.

Больше всего я боюсь, что Салливан прав и что зятя Педро замешаны в краже нашего скота. Они, наверное, не понимают последствий; не понимают, что дон Педро не в состоянии защитить их.

11 АВГУСТА 1915 ГОДА

Салли с доктором Пилкингтоном повезли Гленна, нашего младшего, в Сан-Антонио. Вчера вечером мы наткнулись на каких-то бандитов и мальчика подстрелили. Ранение в плечо, жизни не угрожает, и Полковник, разумеется, посчитал, что мне нечего тащиться в Сан-Антонио с раненым сыном.

Полковник решил, что стрелял кто-то из наших соседей. Когда я возразил, мол, было слишком темно, чтобы разглядеть наверняка, меня тут же назвали предателем.

— Если бы ты усвоил хоть что-то, чему я тебя учил, — заявил он, — знал бы, что это Чико и Хосе.

— Ну, у тебя, наверное, глаза как у пумы, если видишь в темноте на добрый фарлонг*.

* Около 200 метров.

— Как тебе прекрасно известно, — фыркнул Полковник, — я всегда видел дальше других.

Внизу собралась добрая четверть населения города (белая четверть). А еще рейнджеры, наши вакерос и вакерос Мидкиффа. Через несколько минут мы отправляемся на ранчо Гарсия.